

# «...БЛОК-ПОСТ, СТРЕЛЬБА, АЛЕЮЩИЙ ВОСТОК»

Беседуют главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов и писатель, председатель Партии «За правду» Захар Прилепин

Окончание. Начало — на стр. 1

**Захар ПРИЛЕПИН.** Всё это — очень серьёзные люди с огромным опытом, перед которыми уже не стоят вопросы удовлетворения тщеславия или достижения материального достатка. Очень точно сказал Сергей Михеев: "Мне осталось десятилетие активной политической жизни, я хочу прожить его достойно." Это люди, которые, что называется, уже хотя́т с Богом разговаривать, отчитываться по-взрослому. Мы видим соединение левых, правых, бывших кремлёвских, и тут же — антикремлёвских, мы организовали встречу полевых командиров, директоров заводов, рабочих, поэтов. Сама по себе эта структура имеет живой кровоток, в ней есть заряд реального идеализма. Как один из моих партийцев сказал: "Я хочу остаться тем, по сути, восторженным пацаном, каким был в дни Русской весны". И мы все хотим сохранить в себе этого пацана эпохи Русской весны, — пацана, который поверил в возрождение империи. У нас сильная программа, я не буду её пересказывать, у нас крепкая товарищеская спайка, но втайне я верю и ещё во что-то незримое, во что-то неизъяснимое. Верю, что именно мы должны это сделать. Иначе — кто?

**Александр ПРОХАНОВ.** Вы рассказали о премучей смеси, которая будет перемешиваться, входить в особую политическую химию, выпадать в осадок. Будут возникать, наверное, новые элементы, которые ещё не значатся в нашей политической "таблице Менделеева". И потому сейчас трудно, видимо, сказать, что является реальной и выразимой основой вашей партии. Хотя наступил момент — момент реальной схватки, когда придётся формулировать, в чём всё-таки состоит основа.

**Захар ПРИЛЕПИН.** Есть то, что нас всех объединяет. Дело в том, что не только экономика, а само бытие России последних тридцати лет построено по принципам социального дарвинизма и монетаризма: всё должно окупаться, приносить прибыль. Это проникло во все сферы нашего сознания, и касается не только строительства железных дорог или детских садов. Это во многом суть нынешней России. Она живёт по принципу "дай мне, я дам тебе", "сколько это будет стоить?", "в чём выгода?". Иного принципа нет ни в образовании, ни в медицине — почти нигде.

Должен быть другой, а то и противоположный подход. Я апеллирую, конечно, к советской России, хотя и в дореволюционной России часто работали схожие принципы. Тем не менее, скажем, при Сталине, после Великой Отечественной войны никто не высчитывал, сколько будет стоить восстановление сорока тысяч колхозов, бессчётного количества уничтоженных дорог, аэропортов, сколько стоит восстановить четыре театра в каждом разрушенном городе. Немедленную прибыль от этого никто не высчитывал — иначе бы не запустили все эти необъятные процессы. В космос бы не полетели — это ж тоже не выгодно, никакой "рентабельности" в тех полётах не было.

Но Россия может развиваться только таким образом. Мы настаиваем на запрете монетаристских принципов в России, мы — за ставку на сверхзадачи.

От осознания подобной модели государственности расходятся тысячи силовых линий, касающихся образования, медицины, культуры, науки. Но главное, что должно лежать в основе — иная постановка проблемы.

**Александр ПРОХАНОВ.** Любые структуры: партии, организации, — так или иначе используют технологии. Технологии выживания, сосуществования, технологии агрессии, технологии поглощения. И очень мало, может, вообще нет таких структур, которые уповают не на технологию, а на матушку-историю, то есть на чудо, ведь чудо творится историей. Технология творит победу, творит успех, технология творит реальное время, сроки же, а не времена, создаются через чудо. Вы сказали о том, из каких источников вы черпали людей. Это всё люди метафизического склада, люди, для которых важны не деньги. А что? Что противоположно деньгам, противоположно золотому тельцу? Чудесное, волшебное, возвышенное. Это то, что витает, что неосуществимо. И, конечно, трудно удержать внутри партии это невидимое и незримое. Может быть, это предполагает создание внутри партии некоего источника, который охранялся бы особым образом и питал остальные руслы, остальные ветви партии. Как это и было в организациях разного толка: и политического, и военного, и рыцарского и масонского, и религиозного.

**Захар ПРИЛЕПИН.** У Ивана Охлобыстина, моего советника и друга партии, была идея, которую он высказал ещё в присутствии покойного ныне нашего товарища Александром Владимировича Захарченко: создать некий Устав для всех русских людей. Записать, скажем, 33 пункта: наша неотъемлемая позиция по самым главным вопросам бытия. И может ститься этот Устав, этот новый извод Русской Правды на Саур-Могилах, где погибли многие наши друзья. Чтобы записанное и спрятанное в гильзе стало точкой произрастания того самого чуда, о котором говорите и вы. У нас должны быть нерасторжимые слова и понятия.

И мы пишем его. Мы не торопимся, потому что здесь ошибиться нельзя.

Мы назвали свою партию "За правду", и это тоже неотторжимое для нас слово: правда.

Как бы идеалистично это ни звучало, но и свой путь в политике я вижу результатом стечения каких-то немислимых обстоятельств, которые в принципе не могли не привести меня в эту точку.

Воспитанный Александром Андреевичем Прохановым, Эдуардом Вениаминовичем Лимоновым, Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой, Станиславом Юрьевичем Куняевым, Вадимом Валерьяновичем Кожинovým, я, по советски говоря, не должен был попасть в нашу политику. Здесь обитают совсем другие люди, с иными, чаще всего противоположными ценностями.

Не рискуя применять слово "чудо" по отношению к самому себе, но элемент абсурда вынес меня и моих друзей в политику. В России аномальное количество конформистов, сверхобеспеченных людей, обладающих самыми широкими возможностями, которые хотели бы претендовать на кусок власти. Есть крайне влиятельные группы, желающие создать свою политическую партию, с целью проникновения в те или иные привластные структуры. Но сегодня эта возможность в руках у нас. Я тихо смеюсь, когда задумываюсь об этом.

Конечно же, есть люди, которые предполагают, что у нас есть какие-то тайные договорённости, что у меня есть влиятельные или родственные связи. Самое смешное, что ничего этого нет. Всё произошло стихийно: мы создали партию, и она вдруг начала прорастать. Возможно, в неких кабинетах было принято решение: "...пусть растут!", — но мы об этом ничего не знаем.

Да, я назвал это абсурдом, но, может быть, в этом действительно есть ответ чуда.

С другой стороны, я помню, как в 2014 году, один из отцов Русской весны Андрей Пурлин сказал мне: "Русская весна, идея Новороссии — это результат сказанного, сформулированного когда-то Дугиным, Прохановым и Лимоновым". Он назвал три эти имени. "Они проговорили в 90-е годы, — сказал Пурлин, — то, что не должно было появиться никогда: другую Россию, русский Крым, возможность Ново-

россии. Они эту историю проговаривали, и проговаривали день за днём, будучи при этом в статусе едва ли не маргиналов, — но вот Русская весна расцвела из их идей".

Искренняя, абсолютная, тотальная вера — прорастает: вот главный урок Русской весны для меня. Многие кажется сегодня невозможным и диким, — но если ты ставишь понятную тебе самому цель, эта цель может быть достигнута, даже несмотря на то, что для её достижения нет никаких зримых предпосылок.

**Александр ПРОХАНОВ.** Саур-Могила — это один из трёх величайших мистических русских холмов: Мамаев курган, Сапун-Гора и Саур-Могила. И Саур-Могила таинственна тем, что на этой горе враг убивал героев дважды. Первый раз — когда они были ещё живы, а второй раз, когда они стали каменными памятниками. И второй раз он их убивал ещё страшнее, с большей жестокостью. Когда вы уезжали туда, на Донбасс, я вам посвятил стихотворение. Оно звучит так:

*Мой стих упал на дно сухого моря,  
Ушёл на фронт, забыв полить цветок.  
Лицо жены, померкнувшее от горя...  
Блок-пост, стрельба, алеющий Восток.*

Вы были внутри этого процесса. И сами были этим процессом.

Триумф современного Российского государства — это, конечно, Крым. Это была вершина, это и было чудо, и остаётся чудом. И Крымский мост, который похож на летящего ангела, он архитектурно, эстетически воспроизводит это чудо.

Но чудо стало гаснуть после того, как Донбасс превратили в мясорубку. Это период упадка нынешней государственной формации. Не пенсионная реформа, не коррупция привели к упадку, а упадок ощутили, когда вся Россия сидела перед телевизором и рыдала, глядя, как снарядами в Донбассе убивают русских людей. И вспыхнувшая великая новороссийская идея, которая захватила умы, у которой появились свои теоретики, свои знамёна, свои могилы, — она исхла. Вы были внутри этого, как это всё произошло?

**Захар ПРИЛЕПИН.** Прелесть и чудо этой истории в том, что она сложилась стремительно и абсолютно стихийно в тех персонажах, которые вдруг явились будто бы из прошлого русской истории. Когда в 2014 году я перешёл "ленточку", — границу, состоящую в прямом смысле из окопов вокруг расстрелянной тамочки, я тут же обнаружил себя внутри романа "Тихий Дон" или внутри романа "Я пришёл дать вам волю", или внутри "Слова о полку Игореве". Я увидел людей разных племён: бородатых, здоровых, раненых, весёлых, бесшабашных, — и почувствовал, что русская история возобновилась в той же самой точке, где была остановлена. И эти все дорогие мне люди, мои близкие, мои павшие товарищи — это ожившие русские святые. И Арсен Павлов "Моторола", и Михаил Толстых "Гиви", и Александр Владимирович Захарченко "Батя" — они являли собой абсолютно живые, из народных недр, и вместе с тем, безусловное, литературные типажки. И это узвание — один из самых счастливых моментов моей жизни наряду с рождением моих детей. Это узвание было безусловным чудом.

Но история Русской весны забуксовала — в силу самых разных причин. Может быть, потому что Россия не откликнулась достаточным образом. Может быть, потому что слишком серьёзно противостояла Русской весне наделённая сверхвозможностями западная цивилизация... Но не только в силу этих причин.

Ещё и потому, что не было определяющей идеи, наподобие большевистской, не было методологии, не было, в конце концов, готовой и умной партии. Всё приходилось строить в живом режиме, второпях. И слишком рано начались попытки выстроить в Донбассе что-то вроде очередного российского региона. Это было предметом моих разговоров с Александром Захарченко. Я говорю: "Саша, ради Бога, всё сделай для того, чтобы не сотворить из республики ещё одну область РФ. Мы должны вырастить здесь невиданный цветок, чтобы на нас смотрели и думали: "Господи, это возможно!"

Он, конечно же, понимал, о чём речь. И мы пытались это сделать, хотя не хватало специалистов, многое осыпалось в руках, не было под рукой Есенина, Эйзенштейна, Мейерхольда, Маяковского, Цюльковского... Многие могли бы появиться, но не успело, увы.

И этот урок сегодня мы тоже учли.

Мы идём в политику, стараясь обеспечить себя сразу всеми ресурсами: интеллектуальными, боевыми, методологическими... Вот здесь у нас хранится категория "чуда", здесь у нас — партийная программа, здесь — продуманные механизмы достижения целей, а здесь у нас — засадный полк.

Мы действуем с учётом всех побед и всех горьких ошибок — всего того, что прожило за годы донбасской войны, за годы разврата, отчего-то именуемого "эпохой демократии".

Первые я вышел на митинг в 1991 году здесь, в Москве, в день распада Советского Союза. С тех пор я посетил сотни митингов. Я наблюдал, знал и знаю огромное количество людей, причастных к политике. Видел вас, Александр Андреевич, видел, как вы создавали самые разные союзы, как пытались вдохнуть жизнь в тех людей, которые не были достойны этого, или были достойны — но им ломали хребет и спихивали на обочину. Помню, как вы строили самые сложнейшие политические конфигурации. Я всё это записал на подкорку памяти и надеюсь, что проташу эту свою партийную историю ещё какое-то время. Чтобы и у нашей команды было наследство, которое возможно было передать когда-то новым патриотам.

Я думаю, что, как в вашем романе "Крейсера соната", должен быть на Руси хотя бы один праведник, — чтобы она спаслась. Должна быть дожина людей, которая, не взирая ни на что, произносит самые важные вещи: как вы в каждой своей передовице все эти годы говорили, напоминая ещё живым о Родине и вере. Одно и то же повторяя и повторяя, как молитву. Надо это делать, даже если не хочется, даже если надоело... Я же сам с 1996 года пишу публицистику. 24 года я говорю одно и то же! У меня уже, кажется порой, сил нет — я уже всё сказал сорок тысяч раз.

Но это надо делать, потому что надо — и всё.

**Александр ПРОХАНОВ.** Я был и остаюсь государственным человеком в очень широком смысле слова. Для меня государство — это, прежде всего, сохранение территории и народа, который на ней живёт. И тот социум, который увеличивает свои пространства, увеличивает своё число — развивающийся. Тот, что теряет то и другое — сворачивающийся социум. Россия после распада Советского Союза — это сворачивающийся социум. Если бы не Крым, если бы не Донбасс... Эти две темы дали Российскому государству возможность прожить ещё какое-то время. Но сегодня я чувствую, что опять начинается старение, что Российское государство, как этаким стареющий комок, начинает давать трещины: много мелких, есть несколько крупных. И я считаю, что хабаровское стояние, хабаровское восстание — это одна из трещин, которая прошла через комок русской государственности. Церковная распря в Екатеринбурге с отцом Сергием — она неустоява, но она как раз из той оперы, о которой Вы говорили, она от Аввакума. И это



Захар ПРИЛЕПИН и Александр ПРОХАНОВ в редакции газеты «Завтра»

тоже большая трещина в теле церкви, в теле государства. И недавняя армяно-азербайджанская драка в центре Москвы — то есть Карабах оттуда, где он разрушил Советский Союз, переносится сюда, где он может разрушить Россию. И каждая пуля, которая пролетела там, в Карабахе, превращается в веер пуль, летящих здесь, в Москве. И наконец, меня поразило, что именно у Потанина в последнее время одна за другой случаются чудовищные аварии. То есть олигархизм, который преподносился как устойчивая, центрирующая нас формация, показывает, что он уничтожает Россию: уничтожает русскую природу, русскую реку, русского моржа, русского оленя, русский ягель, а также сибирские леса. Эти четыре темы присутствуют в вашей молодой партии?

**Захар ПРИЛЕПИН.** Присутствуют, конечно. И мне кажется, есть ещё одна тема, как бы куполом всё это накрывающая: тема неизбитого, по-сталински назовём это, низкопоклонства перед Западом, воспроизведения всех западных технологий на всех уровнях жизни, колоссальная инерция воздействия Запада.

Самые разные процессы, в том числе и упомянутые вами, показывают, насколько серьёзно инкорпорированы "спящие", прозападные элиты во все уровни власти. Как часто мы сталкиваемся с отсутствием у России реального суверенитета. Отчасти даже ситуация с коронавирусом показала, что мы воспроизводим какие-то внешние технологии, не очень понимая, зачем и насколько нам это нужно. Сейчас мы начинаем переходить на дистанционное образование, оно откровенно лоббируется. Хотя это безусловная катастрофа, это преступление по отношению и к русским ученикам, и к студентам, и к учителям. И мы даже не видим те рычаги, на которые нажимают люди, управляющие процессом, не понимаем, почему так происходит.

Мы то и дело наблюдаем отсутствие у государства понимания, что мы — огромная независимая территория, не нуждающаяся в использовании всех этих глобальных технологий. Мы вполне можем выстраивать свою государственность, опираясь на собственные силы. Русская география и русская демография — вот что, так или иначе, позволит нам устоять, расширяться, не зависеть ни от чего. Однако идут процессы противоположного толка: мы строим производство, учимся и лечимся на чужой манер. В итоге происходит нарыв то в Хабаровске, то в Церкви, то в азербайджанском кафе.

Но только потому, что мы сами себя не осознали. Мы не назвали себе своё имя. Мы не проговариваем, что находимся внутри огромного русского контекста — не нуждающегося в постоянной сверке маршрутов с новостями кем. Потому что нам подсовывают неверные маршруты. Нас обманывают. Нас вводят в заблуждение.

**Александр ПРОХАНОВ.** Это верно, это философия. А я сказал о четырёх недавних политических ситуациях, они ещё не кончились, они идут. Вы — политическая партия. Вы же не можете остаться в стороне. Как вы на это рефлекслируете?

**Захар ПРИЛЕПИН.** Все темы, которые мы назвали, порой действительно сложные, порой отчасти надуманные — но и первые, и вторые являются поводом для такого уровня манипулирования общественным сознанием, о котором, возможно, в середине 90-х речь даже не шла. Назову одну цифру: в российском сегменте Интернета действует 30 миллионов ботов. Идёт огромная сложнейшая информационная война. Вы в своё время с этим не раз сталкивались и говорили об информационных атаках на патриотов. Но тогда это были статьи в газетах, один-другой репортаж на телевидении. Сегодня же мы сталкиваемся с массовыми, пропагандными атаками в миллионы липовых пользователей на те или иные партийные ресурсы, на лидеров, на идеи. Забрасывают вирусные ролики, всё переворачивается, выворачивается наизнанку, и ложь мгновенно становится достоянием немислимых лодочек толп. Любое неаккуратно произнесённое слово про армян — бросают в армянские дрожжи, про азербайджанцев — в азербайджанские, и вот уже возникла тема "русского фашизма"; высказывания про Хабаровск — кромают и бросают хабаровским, униженным, раздражённым, и во многом правым людям. И я думаю, что иногда необязательна немедленная реакция на эти события. Люди хотят однозначности порой там, где её нет. Я пугаюсь персонажей, у которых есть план из двух пунктов, как решить проблему, к примеру, Нагорного Карабаха. Я слишком давно живу в России, чтоб верить в лёгкие пути.

Я верю только в сложные механизмы.

Однако нас специально тянут за язык: скажи, ты за Хабаровск или против Хабаровска? Ты за официальную позицию РПЦ, или за какую-нибудь неофициальную? Ты за храм или против храма?

Не всегда стоит идти на поводу у этого. Зачастую нам представляют ложные дилеммы, не столько объясняющие, сколько запутывающие ситуацию. Потому что в глобальном смысле дело не в Фургале, дело не в армянах и азербайджанцах, — всё это, повторюсь, нарывы совсем иной, куда более серьёзной болезни.

Именно о глобальной болезни я и говорю с вами.

Да, у нашей команды есть точка зрения по всем конкретным вопросам: Сергей Михеев, Александр Казакос, Семён Багдасаров, Олег Матвейчев, Кира Сазонова, Николай Новичков, — все эксперты нашей команды постоянно присутствуют в информационном пространстве, предлагают варианты решения, а зачастую и лично участвуют в решении проблем. У нас уже свыше 60 региональных отделений, и мы по десяткам тем работаем в регионах.

У нас отсутствует правильное партийное многоголосие. Порой по частным вопросам у

нас могут быть даже чуть отличающиеся точки зрения, но это тоже нормально.

Но основные задачи, которые мы ставим перед собой, — всё-таки более глобальные. Нельзя себя разменять на склоны. Мы пришли работать в долгую, мы пришли перевернуть положение вещей, вытравить олигархию, воссоздать творческое и социальное государство — империю.

Мы движемся уверенно, но не делаем лишних жестов, и не предаём популистских путей.

**Александр ПРОХАНОВ.** У вас как у политика или как у мыслителя существует представление о нашей Родине, какой она должна быть? Есть ли у вас мечта? Мечта, которая рассказывает вам и другим о том, какие будут у нас города, какие будут хлеба, какие самолёты, какие у нас будут новости? Вам удаётся об этом думать в той свистопляске партийного строительства, в которой вы находитесь?

**Захар ПРИЛЕПИН.** Поверьте, в моём ответе нет самоуничижения. Но я действительно, кажется, не обладаю столь удивительным разнообразным мышлением мечтателя и художника, как вы. Я читал множество разнообразных картин будущего и в ваших статьях, и в вашем романе "Вечный город", и в вашем романе "Надпись". Но в данном случае я хотел бы надеяться на коллективный разум партии. Мне хотелось бы, чтобы названные и неназванные мной люди совместно выстроили этот самый Вечный город. Сам я в своих мечтах довольствуюсь малым. Мне достаточно той самой "географии и демографии", о которых я говорил. Если Россия прирастает, и в ней рождаются дети — русские, татарские, башкирские, калмыцкие, чеченские, якутские — мне этого достаточно для счастья. Достаточно, что есть русское слово, что есть русская песня. Достаточно, что из России не вывозят триллионы рублей на строительство очередных личных яхт.

Протянуть, продлить само существование государства, чтобы оно не закончилось, для меня — предел счастья.

Конечно, я хотел бы строить сверхцивилизацию, которая мечтает летать на Марс и летит на Марс, которая обустроивает жизнь с невиданным задором и вдохновением. Но в то же время втайне я знаю, что людям, "массам" — это однажды надоест. Что люди устанут от сверхзадач и сверхусилий. Втайне я знаю, что если мы выйдем с телевидения всю мерзость (а мы выйдем!), отменим ЕГЭ (а мы отменим), зачистим территорию от растительных подонков, и построим государство творцов, то среднестатистический гражданин России через пятнадцать или семнадцать лет — восстанет. Он скажет: "Мы устали! От твоих скоростных железных дорог, от твоих военных походов на спасение Русского мира, от космоса, где темно и холодно, от гигантских строек, от прекрасных песен на ТВ — мы устали! Дай нам сожрать какой-нибудь гадости, дай лицом упасть в поилку, и будем там лежать, пуская пузыри!"

**Александр ПРОХАНОВ.** Так уже лежим...

**Захар ПРИЛЕПИН.** Да, да, да. Но будем реалистами: никакой идеал не удержится в руках вечно. Но хотя бы ещё раз его воссоздать и продлить в отведённые мне годы — вот задача!

Недавно разговаривал со своими друзьями-евразийцами. Они мыслят глобально, мыслят, что у России нет границ, что она движется, движется и движется. Я говорю: "Мне тоже это нравится, но я был на территории бывшей Украины, я понимаю, что дальнейшее продвижение по территории Украины было сопряжено с необходимостью разрушения городов, гибелью людей". Если тебе в этом месте не рады, — а нам далеко не все были бы рады по пути в Киев — то идеология не спасает, она не организует тебе передачу пространства. Пространство возвращается в силу медленного решения сотен очень мелких задач: культурных, дипломатических, торговых, иных. Всем этим нам и придётся заниматься — развивая мелкую политическую моторику. Я могу представить и разрисовать удивительную глобальную картину, но знаю, что придётся заниматься тысячами мелочей. Придётся проговаривать самые нелепые и обыденные вещи. Как в записочках Ленина 1918-1919 годов: "привезите мешок картошки!", "сюда краску завезите", "здесь поставьте матраса для охраны". Я себя на это настраиваю.

**Александр ПРОХАНОВ.** Там Уэллс, правда, был ещё.

**Захар ПРИЛЕПИН.** Но он приехал в гости, а Ленин писал записки: "Напоите Уэллса чаем и дайте ему носки".

**Александр ПРОХАНОВ.** Я думал, что когда Уэллс к нему приехал, Ленин отдыхал с ним. Ему настолько осточертели все эти записки его товарищам по борьбе, что он, наконец, встретился с этим полубабстрактным англичанином, с полубабстрактным английским сознанием, и он отдыхал, он нашёл пространство для своей мечты.

Несколько дней назад я закончил роман и назвал этот роман "ЦДЛ". Это удивительный опыт. Прошлое, которое ушло, я опять воскрешаю, оно является во мне — удивительный сладкий опыт.

Но кончается этот роман сценой, когда ЦДЛ сгораёт, дотла. В нём сгораёт всё. И из дубовых панелей в огне и дыме вылетают писатели. Вылетает, размахивая руками, похожий на моржа Горький, вылетает Бабель с лицом, свёрнутым в какой-то железный узел. Шекастый Фадеев, печальный Твардовский. Даже маленькая как птичка, семеня ногами, вылетает Ляля Брич. Они все выстраиваются в косяк и улетают из России. А москвичи смотрят и

думают, что это талдомские журавли. А ведь мы присутствуем в момент, когда писатели улетают из России.

Есть ли такая гуманитарная возможность — не задача, а возможность — задержать отлёт писателей из России, вернуть писателям место среди наших ценностей? Ведь писатели России создают не просто персонажи, характеры, фиксируют историю. В российской литературе рождается учение, рождается вероучение. У Чернышевского возникла эсеровская народоутолическая философия. У Тургенева — нигилисты. В "Отцах и детях" — неприятие злу насилием, у Достоевского — русская всемирность. У Серебряного века были антропософы. А потом это всё кончилось. И мне кажется, что можно эти ценности задержать, внести опять в жизнь, как мы вносим в эту жизнь новое растение, новый злак или новый, искусственно созданный бриллиант.

**Захар ПРИЛЕПИН.** Я думаю, что в той, безусловно, верной картине, которую вы нарисовали, ещё не хватает нескольких имён, очень важных и определяющих. Потому что Ярослав Мудрый, Иоанн Грозный — тоже писатели, и крупнейшие писатели. Екатерина II — драматург и мечтатель. Они тоже находятся в этом списке. И те, которых я называл в самом начале нашего разговора: от Державина и Чаадаева, до Радищева и Чернышевского. Эти все люди, находящиеся на самых разных уровнях осмысления путей государства, власти.

**Александр ПРОХАНОВ.** Они просто в ЦДЛ не были никогда.

**Захар ПРИЛЕПИН.** В ЦДЛ не были, да. Но мы от них перейдём к ЦДЛ сейчас. Дело в том, что Россия, русская государственность, как я их воспринимаю, построена литераторами, людьми, которые произносили какие-то вещи, записывали их, и сообразно записанному выстраивали государственность. В отличие, скажем, от молодой американской цивилизации, где артисты стали заниматься политикой и, в конце концов, дошли до президентских кресел. Не только Рейган, не только губернатор Шварценеггер, но только мэр Клинт Иствуд, но и Трамп, безусловно — тоже артист: и в прямом, и в переносном смысле. Но поначалу мы хотя бы видели маскулинные артистов, которые играли мышцами, побеждали в фильмах плохих индейцев, плохих арабов или очень плохих русских. А сейчас всё свелось к тому, что во власть пошли комики. И не только в соседней Украине. В Испании, Италии политиками разного уровня становятся комики.

Я подвожу к очередному отличию нашей партии: она состоит из людей, которые пишат сами себе речи. Это очень важный момент, для меня он — определяющий. Все мы пишем тексты: и Иван Охлобыстин, и Семён Багдасаров, и Сергей Михеев, и Александр Казаков. Мы строим свой образ России. Мы проговариваем его.

Я не думаю, что писатели улетели из России. Я, воспитанный вами, воспитанный русской литературой, вижу, что в России прорастает ваше, наше слово. Мы навязали своё слово — риторически оно уже звучит. Мы, может быть, не навязали это самой практике государства в полной мере, но вашими и нашими словами люди во власти уже говорят. Зачастую они не знают смысла этих слов, они просто у них вываливаются изо рта, но они их используют. Поднимают с пола и снова вкладывают себе в рот, как леденец.

Противостояние литераторов с литераторами было очень заметно во времена Болотной площади, когда на Болотную выходили компанией литератор Олег Кашин, литератор Дмитрий Быков, литератор Борис Акунин, а на Поклонную шёл литератор Александр Проханов, литератор Юрий Поляков. А Эдуард Лимонов проводил свой митинг на площади Революции. А наверху всем этим занимался Владислав Сурков, тоже литератор. Это что, как не борьба писателей с писателями?

Я считаю, что наша партия: деятельных и упрямых патристического толка литераторов, маркособов, как они нас называли, и милитаристов, — должна отыграть это пространство. Из ЦДЛ, и не только из ЦДЛ, должны вылететь к чёрту все эти "болотные" персонажи. Пусть летят в своё болото и в переносном, и, может быть, в прямом смысле. Я не хочу, чтобы они здесь паслись. Я хочу в конкурентной борьбе переиграть их, переговорить их, убедить абсолютное большинство населения в нашей правоте.

Неслучайно наши и умные, и глупые оппоненты постоянно вбрасывают мысль, что писатель не должен заниматься политикой, писатель должен писать книги. Я повторяю из раза в раз: "Как это? А Иоанн Грозный? А Гавриил Державин — советник Екатерины Великой? А литератор — так он себя определял — Ленин, драматург Луначарский, поэт Держинский и другой поэт, а также автор работ о языкознании Сталин? А депутаты Верховного Совета Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Леонид Леонов?"

Мы как раз занимаемся своим делом! Обычным делом русских писателей: спасаем Отечество.

История литературы о которой я говорю сейчас, — это и есть в конечном счёте: русская история. Надо просто навязать себя в качестве людей, пишущих сюжет будущего России. Мы его пишем.

**Александр ПРОХАНОВ.** Что ж, видно, на ближайших думских выборах я проголосую за вашу партию.

**Захар ПРИЛЕПИН.** Спасибо, Александр Андреевич! Слыша эти ваши слова, я спокойно осознаю, что жизнь не прошла зря.

**Александр ПРОХАНОВ.** Спасибо, Захар!